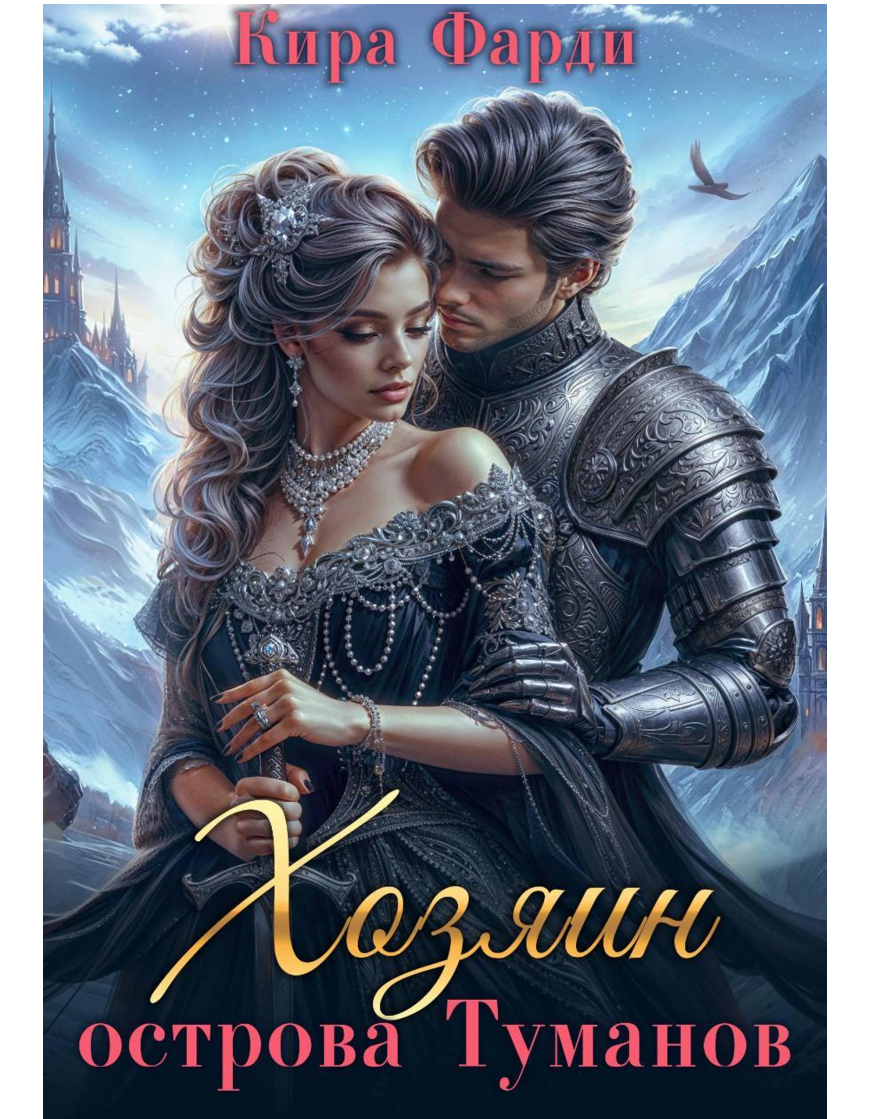

Кира Фарди

Хазин
острова Туманов

Кира Фарди Хозяин острова Туманов. Западня

<https://litres.ru/74021553>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня ждали свадьба и жених, но злая судьба разрушила планы.

Теперь я в чужом мире, в теле безропотной сироты Лили. Тетушка и кузины потешаются над ней, слуги не считают её за человека. А тут еще и король ищет невесту для хозяина острова Туманов — проклятой земли — и присылает сватов в наш дом.

И тетушка подставляет меня...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	49
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Хозяин острова Туманов. Западня

Глава 1

— Нет! Н-е-е-е-т...

Я испуганно подпрыгнула на лежанке, где спала, не понимая, откуда доносился этот душераздирающий визг. Сердце заколотилось в горле, я прижала руки к груди, быстро взглянула на окошко под крышей.

Небо еще едва посветлело. Солнечные лучи не рассеяли предрассветный сумрак. Женский крик в этот час наполнял душу ужасом.

«Это обычный кошмар», — решила я, снова легла, натянула старенькое одеяло и свернулась в комочек.

Угли, обогревавшие мою коморку, погасли, холод пробрал до костей, проник в каждую клеточку тела. Но я упрямо закрыла глаза, прихватывая последние остатки сна.

— Нет! Н-е-е-е-т... спас-и-и-и-те... матушка...

Опять?

Я мгновенно сорвалась с места и, как была, в ночной рубашке до пят, спотыкаясь и чуть не падая, помчалась по лестнице с чердака.

Я вылетела в гостиную, заметила слуг и ринулась к ним. Расталкивая всех локтями, встала на цыпочки, но сквозь плотную толпу ничего не разглядела. Впервые разозлилась на эту мелкую девчонку Лили, в тело которой попала полгода назад. И угораздило же оказаться в чужом мире, да еще и внутри слабой сиротки!

— Что? Что случилось?

Я попыталась пролезть под локтем кухарки Греты, протиснуться между Митой и Литой, наконец дернула за рукав старика Тимона.

— Ох, кошмар! — отмахнулся он. — Бедная барышня Гортензия.

Гортензия?

Теперь я решительно пробилась вперед, ввалилась в покой кухни и сразу увидела безрадостную картину: Гортензия сидела на ложе и рыдала, а вокруг столпились родные.

Кухина Милисса заметила меня первой, бросилась навстречу с пальцем, прижатым к губам. Она потащила меня в сторону подальше от глаз тетушки Феоны.

— Что за крики с утра пораньше? — шепотом спросила я. — Я уж думала пожар.

— Какое там! — Милисса огорченно покачала головой. — Уж лучше бы пожар.

— Не пугай меня!

Я действительно напряглась: только немного освоилась в этом мире, а тут новая напасть.

— Представляешь, Лили, прискакал гонец.

— Какой? Откуда? Говори яснее. Ничего не соображаю.

Я тряхнула головой, откидывая со лба спутавшиеся после сна волосы.

— От короля.

— Тот самый?

Милица округлила серые глаза и обреченно кивнула.

— О нет! — вскрикнула я и захлопнула рот ладонью. — Как же это? И почему в наш дом?

Милица испуганно оглянулась и дернулась к плотной шторе. Мы спрятались за ней: страшно сейчас было показываться на глаза кухне и родным.

— Мы сами ничего не понимаем, — Милли всхлипнула и сбросила ладонью слезы с глаз. — Гортензия просто сошла с ума от ужаса, когда гонец приказал матушке склонить голову и принять приказ короля.

— И что в приказе?

— Едут сваты острова Туманов за невестой для хозяина.

— О боже!

Теперь я по-настоящему прониклась ситуацией до дрожи в коленях, даже прислонилась к стене, чтобы не упасть.

Остров Туманов...

Б-р-р...

Я зябко передернулась, перекрестилась, хотя меня никаким боком не касалась эта беда. Милица удивленно посмотрела глазами, блестевшими от слез, и всхлипнула. Мы креп-

ко обнялись.

Это проклятый остров считался настоящим адом, которым пугали непослушных детей. Таинственная земля на линии горизонта, круглый год покрытая маревом. Внутри него клубились черные облака, вспыхивали молнии и раздавались раскаты грома.

Ни разу не разрывались эти тучи, никто не видел, что скрывается за ними. Рыбаки не рисковали подплывать ближе к берегу, а если случайную шхуну ветром заносило в те воды, она бесследно исчезала.

Торговые пути проходили в обход негостеприимной земли, но рынок королевства регулярно пополнялся товарами с острова, а значит, где-то купеческие караваны пересекались.

Слухи в народе ходили разные.

Одни странники утверждали, что та земля богата и прекрасна. Каждый, кто хотя бы глазком видел ее, не мог забыть и оставался там навсегда. Украшения для модниц были сделаны так искусно, что все дивились тонкой работе мастеров. Драгоценные камни с острова отличались размером и ослепительным блеском, а фрукты и овощи придавали телу необычайный подъем и силу.

Знать облизывалась на лакомый кусочек под носом, но откусить не могла, что только ни делала.

Каждый король думал, что именно он завоюет непокорную землю. Высылались разведывательные экспедиции, направлялись корабли с дорогими подарками, войска выступа-

ли в военные походы.

И все бесполезно.

Остров по-прежнему был загадочен и недостижим, на середине пути вздымались огромные волны, и капитаны поворачивали корабли вспять. И после каждого похода еще месяц бушевали бури и ураганы, уничтожая урожаи, разрушая дома и убивая людей.

— Дух острова злится, — качали головой жрецы и молились в храмах.

А в каком-то поколении вообще решили, что это место — кратер древнего вулкана, на дне которого живет чудовище, и его зловонное дыхание окутывает остров черным мороком. Монстр держит в рабстве всех жителей острова и требует себе для развлечений самых красивых девушек.

Эта версия подтверждалась темными ночами.

Пронзительный вой иногда разрывал тишину. Он прокатывался над морем, достигал столицы королевства Арагон, будил ее жителей. Мужчины хватались за топоры и копья, а женщины наглухо запечатывали окна и двери. И кто-то даже говорил, что видел огромную тень, закрывавшую небо.

Я, правда, не слишком верила в эти рассказы, у страха глаза велики, но ночью тоже не рисковала выходить во двор.

Знать королевства жила в напряжении и в ожидании близкой беды.

И иногда она приходила. Желая умаслить хозяина острова Туманов, король предлагал ему невесту — одну из дочерей

знатного рода, красивую, умную, послушную. О дальнейшей судьбе девушек никто ничего не знал. Они садились на корабль и исчезали вместе со свитой в морской дали.

Стало модно скрывать свою красоту.

Каждая девушка боялась одного: что ее признают первой красавицей королевства и принесут в жертву, сделав невестой. На людях лица и стройные фигурки прятали за мешковатой одеждой, шляпами и глубокими капюшонами, и лишь дома среди родных красавицы могли оставаться самими собой.

И вот теперь беда пришла в дом тетушки Феоны.

Хотя... Гортензию мне было не жалко. С кузиной у нас были свои счеты. Мы с первого дня невзлюбили друг друга, и то, что было плохо для одной, радовало вторую безмерно.

— Гонец привез еще портрет хозяина острова, — горячо зашептала на ухо Милли.

— Портрет? — я даже икнула от удивления. — И как он?

Кузина лишь махнула рукой. Гортензия так выла, что и у меня ноги подкашивались.

«О боги! Неужели чудовище?»

Хозяина острова никто никогда не видел, а тут портрет. Может, на холсте изображен мерзкий урод, вызывавший содрогание. А может, наоборот, хозяин — мужчина редкостной красоты, и все невесты не пропадают, а остаются жить у него в гареме.

Но новый вопль Гортензии мгновенно разрушил мою меч-

ту полюбоваться на красавчика.

— Не хочу! Не пойду замуж! — выла в платочек Гортензия. — Он страшный. Как с таким б-у-у-у-ду?

«Хм, сама будто красавица», — думала я, вытягивая шею и пытаюсь что-нибудь рассмотреть издалека.

— И вовсе не страшный, — уговаривала ее мать. — Он большой и сильный.

— А ты на его лицо посмотри, грубое какое, будто из камня. А-а-а...

«Ну, со своим лошадиным подбородком ты недалеко от жениха убежала», — хмыкала я про себя.

Сейчас плохо было ей, но я не сочувствовала. Эта кузина с первого дня появления меня в семье столько крови выпила, что жалеть мне нужно прежде всего себя. Я даже радовалась, что она уедет. С Милиссой у нас не такая сильная неприязнь.

— Зато он из высшей знати и очень богатый, — не сдавала позиции госпожа Феона. — Целым островом владеет.

— У нас дети родятся ур-о-о-о-дами...

— Рано еще о детях думать!

— Он с проклятого м-е-е-е-ста...

— И что? — вытирала слезы дочери баронесса Олдем. — Никто на острове не был, а пойти против указа короля мы не можем.

Я старательно держалась в тени, но, когда Гортензия бросилась вон из комнаты, а мать и сестра побежали ее успокаивать, тоже подкралась к портрету.

В картине, на первый взгляд, было все так, как говорила кухня, но, если приглядеться...

Я повернула рамку к окну и вздрогнула: мужчина, изображенный на портрете, стоял, широко расставив ноги. Он опирался на край стола, который казался карликовым рядом с ним, и смотрел прямо мне в глаза.

И его взгляд проник до глубины души, парализовал мысли и эмоции, разбудил неведомые чувства и тревоги. Я не разглядела его лица, оно будто расплылось, покрылось дымкой, зато эти глаза цвета антрацита потрясли, всколыхнули душу и отозвались где-то внутри колокольчиками.

Я вздрогнула, зябко повела плечами и отвернулась. Что это было? Гипноз? Но простой холст не может обладать магической силой.

Или может?

Черт! Опасный тип.

От такого хотелось держаться подальше. От него так и веяло неукротимой энергией, силой и магией.

А секундой позже догнало озарение: с его лицом что-то не так. Оно странное, похоже на... маску или...

Я схватилась за рамку, чтобы лучше рассмотреть детали, но где-то рядом стукнула дверь. Я вернула портрет на место, но спрятаться за штору не успела.

— Вот ты где, поганка!

Пронзительный крик тетюшки пробрал до печени. Я поморщилась и медленно повернулась. В первые дни своего по-

паданства я яростно спорила с ней, за что получала кнутом по спине и пятой точке — баронесса Олдем была скоро на расправу. Сейчас уже привыкла и научилась хитрить.

— Доброе утро, тетушка, — я скромно опустила взгляд и сделала книксен.

— Марш одеваться! Опозорить меня решила, негодяйка? Разгуливаешь по дому босая и в исподнем.

— Услышала крики, вот...

— Огрызаться будешь?

Тетка подлетела ко мне и замахнулась коротким кнутом, которым потчевала слуг. Несмотря на пышные формы, она двигалась легко и свободно.

— Простите.

Я бочком обогнула ее и припустила к двери.

— Опять госпожа бушует? — спросил старик Тимон. — Ты бы осторожнее с нею, Лили.

— А, переживу!

Я махнула и вприпрыжку понеслась к лестнице.

Однако, несмотря на истерики Гортензии, сватов баронесса Феона не отменила. Брак считался почетным, приказ короля нерушимым, а слезы девушки — пустыми капризами. Слухи, что невесты исчезали в пути, оставались для простых людей слухами.

Но у тетки не возникло сомнений, почему выбрали для жениха некрасивую Гортензию.

Зато вопросы были у меня. Кажется, знать решила схит-

рить и отправить хозяину острова не дочку министра или советника, а девушку из дворянского, но обедневшего рода, за которую некому было заступиться.

Но свои мысли я решила держать при себе и вернулась в коморку на чердак. Накинула рубашку, поверх нее — серую рабочую тунику из грубой ткани, заплела волосы в косу, которую спрятала под платок, повязанный до глаз. Так велела ходить тетка, чтобы ее дочери против меня казались красавицами. Хорошо, что хотя бы лицо золой не приказала мазать.

Я слетела по лестнице. Сразу понеслась к умывальнику во дворе. Купальней мне не разрешалось пользоваться: она предназначалась для господ, а нищей племяннице там не место.

Но я и не унывала, уже приспособилась к подневольному положению и даже научилась извлекать из него выгоду.

В ожидании сватов родовой дом семейства Олдем встрепенулся, сбросил ленивое оцепенение и теперь пытался бодро приосаниться. Слуги, казалось, не спали всю ночь: мыли, чистили все, натирали полы и оловянную посуду до глянцевого блеска. Дворники метлами убирали каждый опавший листик и травинку.

То же самое оживление было и в подсобных помещениях. Мясники на заднем дворе разделявали свинью, помощники потрошили кур и фазанов, а кухарка пыхтела возле чана с тестом. С кухни неслись дивные ароматы готовившихся блюд.

— Лили, живо смотайся на рынок, — крикнула тетушка

Грета, заметив меня.

Она стояла, вытирая пот с лоснившегося от жара лица, и тяжело дышала.

— Окей! А что надо?

— Опять ты со своими словечками!

— Хорошо, — я скромно опустила веки. — Вырвалось.

— Купи специй для начинки и еще дрожжей у Одноглазой, что-то мне не нравится тесто. И живо мне!

Я взяла корзинку, схватила с блюда большой пирожок и бросилась к воротам.

Глава 2

Люблю эти часы, когда город только просыпается. Торговцы, зевая, тянут тележки к своим прилавкам, хозяйки готовят завтраки, первые ученики плетутся на занятия к учителям. Господа еще не проснулись, а трудовой люд встает рано, ему надо зарабатывать на жизнь.

Я бежала, оглядываясь и запоминая все на ходу. Наблюдательность — мой конек. Она помогает мне добывать копейки на мелких расследованиях и жить в чужом мире в общем-то безбедно. Мечта — скопить немного монет, сбежать из дома тетки и устроиться в столице, подстегивала меня.

А пока... пока мне и в портовом пригороде хорошо.

До рыночной площади я добралась тихо и почти незаметно — по проходным дворам, безлюдным переулкам с высокими заборами, в обход больших улиц, торговых лавок и лотков.

Нет, меня, конечно, замечали, кивали, здороваясь, приветливо махали руками, но тут же забывали, стоило мне только свернуть за угол. Нищая племянница баронессы Олдем никого не интересовала, давно примелькалась, стала своей, обо мне даже судачить перестали.

Я была уже рядом с таверной «Прекрасная Лутеция», как услышала сзади крик:

— Посторон-и-и-и-сь!

Я оглянулась: прямо на меня неслась двойка коней, за спинами которых грохотала богатая карета. Взмывленные скакуны задирали головы, с распахнутых ртов капала пена, свист кнута бил по ушам.

— Твою ж мать!

Я метнулась к обочине, прощаясь с жизнью, и тут кто-то властной рукой дернул меня за шиворот и бросил к лавке булочника. Да так сильно, что я ударилась спиной о ножки прилавка, завывала от боли. Он накренился, и свежие хлеба посыпались на меня и в пыль.

— Ах! — вскрикнула перепуганная хозяйка. — Что б тебя дух острова забрал!

Она потрясла в воздухе кулаком.

— Эй, а поаккуратней нельзя? — завизжала и я, тут же вскочила на ноги и огляделась.

Заметила лишь две удалявшиеся спины: широкую, похожую на равнобедренный треугольник, резко сужавшийся к поясу, и худощавую, мальчишескую. Незнакомцы были одеты богато. Оба в сияющих одеждах, увешанные дорогим оружием. Даже издалека я видела, как сияла на солнце перевязь для меча у высокого господина.

Злая, как сто чертей, я бросилась за ними. Не догнала: от башмака отвалилась подошва и теперь разевала рот, цепляя каменную кладку на каждом шагу.

Чужаки вошли в гостевой дом, расположенный напротив таверны, а мне стражи преградили путь.

— Иди, Лили, отсюда.

— Но... дядька Петер, я на минуточку.

— Давай, давай, девочка, иначе...

Я попыталась обойти стражника, но второй схватил меня за шиворот и встряхнул. В груди запылал огонь бешенства. С этой несчастной Лили все обращаются как с шелудивым щенком: толкают, трясут, бросают, пинают.

— Пусти! — заверещала я. Звонкий голос — почти мое единственное оружие. Слабыми ручонками этой девчонки я ничего бы не смогла сделать. — Да что «иначе»? Я только воды... Жалко, что ли?

— Это место для господ.

— Вот придешь ты ко мне, когда у тебя курицу украдут!
— скрипнула зубами я.

Одернула задравшуюся тунику и повернула обратно.

— И что ты сделаешь, замарашка?

Стражи двинулись на меня, выставив копья.

— Найду ее и съем! Б-е-е-е...

Ободранные коленки нещадно саднили, корзинку пришлось вытаскивать из кустов терна, и я расцарапала еще и руки.

Короче, день не задался с утра. А все незнакомцы виноваты. Ничего, я еще с ними поквитаюсь.

Я помогла булочнице поднять хлеб, отряхнула тунику и замерла: с одной стороны, тетушка Грета ждет специи и дрожжи, а с другой...

Я потеряла пальцами виски: что же делать? Что?

Любопытство победило ответственность, и я побежала в обход гостевого дома. Здесь огляделась. Позади здания тоже были окна, из-за раннего утра закрытые сейчас ставнями. Но располагались они только на втором этаже.

— Эх! — топнул я ногой с досады.

Попасть в дом шансов не было.

А вот выкурить жильцов...

Я принялась за дело. Цепкий ум и сообразительность — мое второе оружие. Только с их помощью мне удастся выжить в этом мире.

Я огляделась.

Кусты терновника вперемешку с крапивой покрывали землю у стены сплошным забором.

Я с сомнением смотрела на них. Если здесь спрятаться, никто не заметит, но (черт возьми!) лезть в них совсем не хотелось.

А как же тогда увидеть незнакомцев?

Этот вопрос мне не давал покоя. В нашем портовом городке я знала уже всех знатных господ. Эти двое не походили ни на кого. Тогда что они здесь делают вдали от центра столицы и королевского дворца?

Я стояла близко к стене и сверлила взглядом ставни.

Магического дара во мне нет, судьба ничем не наградила меня при перемещении. Просто закинула прямо из ЗАГСа, куда мы пришли с Мишкой, в портал, а дальше... живи неве-

ста, как знаешь.

Воспоминания всколыхнули былую обиду, но чувства отозвались как-то вяло. Хотя и встречались мы с Мишкой со школы, но особой страстью не горели. Дружили, было комфортно вдвоем, вот и решили пожениться.

Но кому-то наверху, я бросила сердитый взгляд на небо, показалась моя жизнь очень скучной. Вот он и устроил мне гонки с препятствиями. Может, и Мишка сейчас где-то преодолевает испытания судьбы.

За полгода жизни в этом мире я прошла все стадии отчаяния от отрицания до принятия и теперь пора начинать все сначала. И сердце мне подсказывало: эти незнакомцы помогут мне в моих планах.

Я натянула рукава на ладони, решительно раздвинула ветки терновника и забралась внутрь. Колючий кустарник сомкнулся над головой.

Теперь за дело. Я нашла под ногами несколько камней и начала по очереди бросать их в окна.

— Эй, кому руки оторвать? — выглянул лохматый купец из первого окна.

— Где охрана? — завопили из второго.

— Чего надо? — высунулся пьяный мужик из третьего.

— Шоколада, — фыркнула я.

— Чего? — завопил пьяница.

Он тряхнул длинными волосами, перевесился через край и... Я уже сжалась от омерзения и зажмурилась, но его кто-

то втянул назад в комнату.

Ни один жилец не походил внешне на моих незнакомцев. И тогда я кинула камень в угловое окно, а сама затаилась в кустах.

И тут замок ставни щелкнул...

Щелчок слетевшей скобы ударил по ушам трескучим разрывом грома. Я мгновенно насторожилась и задрожала от нетерпения.

Сейчас, вот сейчас я увижу своего спасителя или его друга. Не испарились же они под утренними лучами.

Сначала показалась рука в темном одеянии, знакомом, кстати, затем я услышала окрик.

— Кто там, Харди?

Голос был немного с хрипотцой. Он раскатисто прозвучал в воздухе и наполнил его такой сильной мужской энергетикой, что по моему телу побежали мурашки.

— Никого, Ваше Сиятельство, — ответил Харди неожиданно басом.

«Ишь ты, сиятельство! — усмехнулась я. — Не хухры-мухры. У нас только купцы да мелкие чиновники водятся, а тут важный господин!»

— А если присмотреться?

Я услышала шум отодвигаемого стула, шаги и застыла, превратилась в одну из веток терновника. Очень хотелось поднять голову, разглядеть обладателя магического голоса, но боялась даже пошевелиться.

— Никого. Может, ветер?

— Сегодня отличная погода, Харди.

Голос звучал прямо надо мной. Я осторожно начала поднимать голову, но платок зацепился за колючки и пополз вниз. Пришлось замереть на корточках в ожидании, пока эти двое отойдут от окна.

А они как назло решили полюбоваться теплым утром и неспешно побеседовать.

«Убирайтесь! — шипела я про себя. — Свалите!»

— Да, господин Райан, отличный день. После стольких суток на корабле, суша кажется благословенным раем.

«Ого, они мореплаватели? Интересно, откуда?» — огонь любопытства все больше разгорался в груди. Я уже представляла, как пробираюсь на иноземный корабль и сваливаю подалеже от тетки и кузин.

«Неужели, и правда, Ангел Хранитель проснулся и решил мне помочь?» — сердце наполнилось радостным трепетом.

— Все готово, Харди?

Этот проклятый голос сводил с ума. Он казался то раскатами грома, то лавиной камней, несущихся с горы. Ввинчивался мне в мозг и буравил, буравил его. Я уже готова была выскочить из кустов и убежать, куда глаза глядят. Мне и так дома достанется от тетки, еще и эти двое задерживают.

— Да, Ваше Сиятельство.

— Что ж, посмотрим на представление.

Голоса незнакомцев стали звучать приглушенно, я выбра-

лась из терновника. Проклятый платок, зацепившийся за колючки, все же слетел с головы. Я выбралась из кустов, потеряв до кучи еще и клочок волос.

Хотела уже лезть обратно, не оставлять же улики, но наверху опять что-то щелкнуло. Я прижалась к стене дома, осторожно обогнула его, а у торца припустила бежать по улице. Остановилась, чтобы перевести дыхание у таверны, но почти сразу нырнула в лавку специй.

— Ты чего так запыхалась, Лили? — спросил торговец.
— Слышал у вас в поместье серьезная подготовка в приезде сватов.

— Что? — я уставилась на старика. — Откуда слышали?

— Так они уже прибыли на заре из столицы.

Сваты?

Я посмотрела на гостевой дом. Эти незнакомцы — сваты? Как-то не похожи они на сватов. Да и сватов присылает король. Плыть по мору не нужно.

Торговец поднял тяжелые веки. Миг он смотрел на меня поверх перевязанных веревочкой круглых очков и опустил взгляд в приходную книгу. Он шелестел листами, шевелил губами, хмурился.

О боже! Теперь мне точно будут дома кранты!

— Дайте мне все по списку.

Я протянула ему листок, приготовленный тетушкой Гретой, а сама уставилась на гостевой дом. Он был как раз напротив таверны. Полученная от торговца и незнакомцев ин-

формация сверлила мозги.

Так, что мы имеем?

Господин с волшебным голосом предложил другу полюбоваться на представление. Где? Наверняка здесь. Эти двое не покидали дом, а значит будут наблюдать из окна.

Я огляделась.

Выбор мест для сцены невелик: это либо таверна, либо дорога перед ней.

Таверна была популярном местечком у горожан. В этом здании с комнатами на втором этаже для заезжих постояльцев постоянно толпился народ.

Таверной и гостевым домом через дорогу владела Лутеция Одноглазая, отсюда ее заведения прозвали «Одноглазыми».

Над входом красовалась вывеска с изображением Венеры, более похожей на отвратительную мегеру, чем на богиню красоты, — очевидно, ее рисовал незадачливый художник. Направо от входа, у стены, находился очаг, где ярко пылал огонь и готовились в оловянной посуде разные кушанья, а слева под навесом стояли тяжелые столы для гостей. Сквозь настежь распахнутые двери виднелись подобные столы и внутри заведения.

Несмотря на раннее утро, почти все места были заняты. В режиме ошпаренной кошки бегали подавальщики, гремели, настраивая инструменты, музыканты, танцовщицы наносили последние штрихи макияжа.

А госпожа Лутеция руководила процессом властной рукой и обычно стояла у входа и работала зазывалой. Она взирала за порядком и прохожими одним глазом, второй был прикрыт черной лентой.

Когда я первый раз ее увидела, вздрогнула, настолько эта женщина напоминала пирата с иллюстраций приключенческих романов.

Пока лавочник отвешивал мне специи по списку тетушки Греты, я лениво разглядывала площадь, людей и все подмечала.

По улице ехали повозки, прогуливались купцы. Вот один толстый господин споткнулся, на него налетел мальчишка-разносчик. Он выплеснул из кувшина воду, извинился, быстро прошелся по мощному торсу купца ладонями, отряхивая капли, и побежал дальше.

Мне показалось, что это уличный воришка. Господин решил также. Он мгновенно проверил карманы, но выдохнул: кошель был на месте.

Я только хмыкнула, расплатилась за специи и снова повернулась на дикий крик.

Казалось, богатому толстяку не везло: не успел он сделать шаг, как столкнулся с другим мальчишкой. Этот испачкал ему сапоги и сейчас сидел на корточках, наводя подолом туники глянец на коже.

Происшествие с незадачливым купцом привлекло внимание всей рыночной братии. Неожиданно откуда-то прилетел

камень и сбил с господина шапку. Он завертелся волчком, ища противника, но чуть не попал под копыта лошади, которая тянула повозку.

— Я сотру с лица земли этот паршивый городишко! — завопил купец, хватаясь за широкий ремень с украшениями и нашлапками.

Но он переживал зря, ни одна его вещь не пропала. Но люди уже смеялись в голос, я тоже улыбалась.

И тут над головой раздалось сдержанное фыркание...

Глава 3

Портовый городишко Клирос приближался. Я стоял на носу корабля и наблюдал, как из крохотных точек вырастают деревянная пристань, лавчонки на набережной, дома за ними. Несмотря на раннее утро, жители уже проснулись. Издалека они походили на муравьев, копошившихся в дневных заботах.

Недоумение в душе росло. Почему новая невеста из такого убогого места? Казалось, королю надоело посылать столичных красавиц, вот он и решил откупиться кем-то попроще и подешевле.

«Мерзкий старикашка!» — ворочался в груди гнев и требовал немедленного выхода.

— Ваше Сиятельство, вы уверены в задуманном? — осторожно поинтересовался Харди, тонко подметив мое состояние.

Мой бессменный страж, помощник и компаньон всегда был рядом и сопровождал меня во всех приключениях.

— Конечно. Печать надо перехватить. А без нее сваты не посмеют явиться в дом невесты и забрать девушку.

— Но Его Величество рассердится.

— Кто рассердится? — я ухмыльнулся. — Местный ко-

роль, трусливый старикашка, который красавиц под видом моих невест посылает на смерть? Нет, Харди, это я могу рассердиться, если не остановлю ненужное жертвоприношение. И тогда...

— Думаете, жертвоприношение? — перебил меня Харди.

— А что же еще? Не может старик подобраться к острову прямым путем, вот и нашел обходной: решил задобрить бога морей, чтобы тот пропустил корабли.

— Ну, слухи о нашем острове ходят всякие.

— А кто эти слухи распускает? Сами же местные сановники и стараются. Ух!

Я с силой ударил по поручням, толстые канаты задрожали. Меня давно злила эта ситуация с невестами. Торговцы, попадавшие на остров, приносили тревожные новости.

Приятель пожал плечами и замолчал. Я посмотрел на него сверху вниз и улыбнулся, потому что был на полголовы выше его и вдвое мощнее.

Но так было не всегда.

В детстве Харди приставили ко мне ко мне для охраны. Болезненному и щупленькому сыну хозяина острова нужен был крепкий и смекалистый защитник. А когда мы выросли, неожиданно для всех поменялись местами.

Мой остров для материка был как бельмо на глазу. Местный король все пытался его захватить, да не получалось. Но и теперь не оставил эту затею, откупался красавицами, еще больше осложняя обстановку.

И этому надо было положить конец.

Мы сошли на берег, я огляделся.

От пристани в город вела широкая дорога. По ней катились груженные повозки, шли люди. Всё здоровались друг с другом, перебрасывались словами, улыбались. В целом, народ, на первый взгляд, казался приветливым и доброжелательным.

— Господин посол! Сюда!

Я обернулся на крик, нам отчаянно махал руками возчик, который стоял у скромной коляски.

Я приподнял одну бровь и удивленно посмотрел на помощника.

— Почему посол? Не торговец, не путешественник, не жрец?

— Простите, пришлось представить вас так, — улыбнулся Харди. — Для торговца у вас слишком мало вещей, для жреца не та одежда, да и хорошо видна военная выправка, а на рядового путешественника вы и вовсе не похожи.

— Э-э-э, и какое государство я представляю?

— Тенеран. С этим маленьким королевством у местной власти нет дипломатической связи.

— Предлагаешь мне ее налаживать?

— А это как пожелаете, — усмехнулся Харди. — Недалеко есть гостевой дом, я снял там комнаты.

— Хорошо, — я остановился. — Мы прибыли инкогнито. Сначала задержим сватов, а потом нанесем визит королю.

— Согласен, будем действовать по ситуации.

Но сваты задерживались. Мы прожили в городишке два дня, а торжественное шествие все не появлялось. Наконец показался гонец с королевским указом. Его мы перехватывать не стали, а шпионы Харди донесли о скором прибытии главного свата и его свиты.

На рисунке, который нам принесли вместе с новостями, красовался толстяк в одеяниях купца, важный и преисполненный гордыни. Он ехал из столицы, не торопясь, останавливался в каждом постоялом дворе, наслаждался едой в каждой таверне.

Его сопровождала охрана, писарь и помощники. Все эти люди должны были по закону провести брачный обряд, подготовить невесту и сопровождать ее на корабль.

И вот эту торжественную операцию нам предстояло сорвать.

— Как думаешь, где сват может прятать печать? — размышлял я, наблюдая за дорогой из окна своей комнаты.

— Где угодно, — пожал плечами Харди.

— Ну, мимо таверны «Одноглазой» он вряд ли проедет, — я встал, потянулся. — Прогуляемся?

— Я готов, Ваше Сиятельство.

Мы не просто вышли на прогулку. Нужно было подготовить все необходимое для выполнения задачи. Пока Харди находил помощников, я внимательно огляделся и первым заметил повозку, мчавшуюся прямо на девчонку с корзинкой.

Я рванулся к дороге, выхватил девчонку из-под колес и отбросил на обочину. Натренированное тело действовало машинально, не включая мозги. Кони мелькнули мимо, я обернулся и увидел перепуганное лицо Харди.

— Ваше Сиятельство, — сдавленно прошипел он. — Что я скажу вашей матушке?

Я отряхнулся и пошел к гостевому дому. Девчонка меня больше не интересовала. Харди приказал трактирщице принести завтрак в номер, и мы устроились за столом.

Вдруг в ставню противоположного от нас окна кто-то стукнул. Мы переглянулись и насторожились.

Воры? Убийцы? Кто-то выследил нас и догадался, что я никакой не посол?

Предположения невероятные, так как я впервые был на материке и в этом королевстве, но все же. Как наши шпионы рыскали везде, добывая новости, так и в этом государстве были свои разведчики.

«Посмотри, кто там!» — глазами приказал я Харди.

Он на цыпочках подкрался к окну, быстро откинул щелкоставни и выглянул.

— Никого.

— А если приглядеться?

Я не подходил близко, но все видимое пространство осмотрел внимательно. Не было ни следа человека. Зато со стороны улицы донеслись торжественные крики. Явно прибыл кто-то важный.

Мы бросились обратно к столу. И вовремя: как раз началось представление.

— Первый пошел, — прошептал Харди. — Смотрите внимательно, Ваше Сиятельство.

И я смотрел...

Мальчишки, нанятые Харди, выполнили свою работу исправно. Под видом случайных столкновений они проверили одежду, обувь и шляпу свата. Но нигде печати не обнаружили.

Толстяк крутился и ругался на всю улицу, вызывая смех у зевак. Я наблюдал за представлением у открытого окна. Когда господин разразился бранью на последнего бездомного, невольно фыркнул тоже.

И сразу почувствовал внимательный взгляд. Осмотрел улицу: у лавки со специями стояла та самая девчонка с корзинкой, только сейчас она была с непокрытой головой. Издалека разглядеть ее хорошенько не получилось. Я понял только: что это не ребенок, а миниатюрная девушка, вполне зрелая для своего возраста.

— И где же у него печать?

Оторвал меня от созерцания простолюдинки Харди. Он тоже ее заметил и сразу опустил деревянные жалюзи, оставив щель для обзора.

— Надо его напугать. В пиковой ситуации человек хватается за самое ценное.

— Понял.

Харди прошел к боковому окну и выпустил маленькую стрелу. Это был сигнал к следующей атаке. И сразу из-за угла выбежал человек. Он помчался по улице, столкнулся с толстяком и побежал дальше. А за ним выскочил другой.

— Держи вора! Держи! — закричал он и припустил мимо свата.

Мой взгляд был прикован к толстяку, который уже направлялся в таверну, я даже привстал, чтобы не пропустить нужный момент.

— Мой медальон! — закрутился он и схватился рукой за пояс.

— Он на месте, Ваше благородие, — подскочил к нему помощник, судя по одеянию — писарь.

— Печать спрятана в металлическом медальоне на ремне, — я довольно откинулся на спинку стула.

— Приступаем к изъятию?

— Конечно. Только...

— Что?

Я обмахнулся веером: сегодня было очень жарко, но еще сильнее хотелось охладить волнение. Больше шанса перехватить печать не будет. Сват доберется до дома невесты и заключит брак с моим портретом.

Появляться сам я пока не планировал, это вызовет ненужные вопросы и осложнения.

— Сват очень осторожен.

— Значит, и нам надо постараться.

Я подняла голову и вгляделась в угловое окно второго этажа гостиницы.

У него сидел господин в белых одеждах. В одной руке он держал чашу с дымящимся чаем, а в другой веер, которым обмахивался. Рядом с ним стоял худощавый человек в черном.

Они тоже веселились, но, заметив, что привлекли мое внимание, замолчали. Человек в черном мгновенно опустил деревянные жалюзи.

Я вздохнула: мое маленькое приключение закончилось, пора возвращаться.

— Тетушка Лутеция, — я бросилась к хозяйке таверны.
— Продайте немного свежих дрожжей.

— Не мешай Лили!

Отмахнулась от меня Одноглазая. Она успокаивала взбешенного толстяка и приглашала его зайти внутрь таверны.

Я терпеливо ждала, пока она обработает важного господина.

— Господин, — ворковала Лутеция, — не хотите ли отведать замечательной похлебки?

— Нет! — вопил, как резаный, тот. — Поди вон!

— А если добавить к похлебке кувшин красного элесского за мой счет? Вино замечательно согреет вашу кровь и успокоит нервы.

— Хм! — толстяк махнул помощникам, посоветовался с ними и вошел в таверну.

Лутеции заторопилась следом.

— Госпожа, — я тронула ее рукав.

— Чего тебе, Лили? — нахмурилась она.

— Тетушка Грета просила одолжить распушенных дрожжей.

Лутеция махнула в сторону кухни и побежала к подавальщикам. Я слышала, как она отдает распоряжения, но сейчас меня больше волновали дрожжи и солнце, которое уже поднялось достаточно высоко. Если не успею все принести, мне достанется на орехи от кухарки, а тетка еще добавит.

Я ждала в сторонке, пока мне вынесут дрожжи, и наблюдала за людьми.

Толстяка и его свиту встретили как самых лучших гостей.

— Прошу, садитесь сюда, — засуетился молодой подавальщик, смахнул полотенцем пыль с лучшего стола и стульев и подмигнул мне.

Мы иногда переглядывались и перебрасывались шутками, но дальше легкого флирта дело не заходило.

— Вино для дорогих гостей, — тут же к толстяку подплыла танцовщица Элиза.

Из маленького кувшинчика она разлила напиток по чашам, изящно поклонилась.

— Эх, хороша, девка! — хмыкнул господин и ущипнул Элизу за пятую точку.

Она лишь взвизгнула, но была не против: работа такая.

Господина посадили на лучшем месте. Оттуда хорошо была видна сцена, где выступали танцовщицы, и входная дверь. Кухня же, наоборот, не раздражала плебейскими ароматами нежный нюх господ.

подавальщики закружились у стола, показывая то одно, то другое блюдо. Я вытягивала шею, пытаясь разглядеть все получше. Элиза вышла с еще одним кувшинчиком вина.

— Отведайте самый лучший эль, господин, — заворковала она, садясь рядом.

С другого боку прислонилась к господину еще одна танцовщица, Глория.

— Отведайте лучше у меня молоко ягненка, нежнейшее вино. Бодрит не только дух, но и тело.

Обе девушки так и липли к нему, так и старались угодить. Ну

— И тело говоришь? — пальцы толстяка захватили ягодицу Глории. — Ну попробую.

— Но вино надо пить не так, — заливалась соловьем Элиза.

Она плавным движением забрала чашу из рук господина и закружилась с ней в танце. Глория присоединилась к подруге, потянула за собой толстяка, но он схватился за ремень и сел на место.

— Не-не, так не пойдет, — засмеялся он.

— Лили, твои дрожжи, — отвлекла меня от интересной

картинки Одноглазая. — Сватов ждете?

— Да.

— Барышня Гортензия небось слезами умывается.

— А то. Сами знаете, как все сложно.

— А вот этот господин и есть главный сват.

— Правда?

Теперь мне уже совсем не хотелось уходить. Что-то странное висело в воздухе. Зачем гостей, которые приехали выполнить определенную задачу, потчевать вином, да еще и самого утра.

Не успела я спрятать дрожжи в корзинку, как раздался громовой рев...

Глава 4

Я подпрыгнула и бросилась а зал. Важный господин крутился как заведенный и хватался за свой ремень.

— Медальон! — ревел он. — Где мой медальон? Стража! Оцепите таверну, чтобы никто не ушел отсюда!

Взмахом руки он смел все со стола, потом опрокинул его и стулья и закружился по комнате, как черный смерч. Его охранники построили всех подавальщиков и гостей и начали их ощупывать и проверять.

Танцовщицы сбились в кучку на сцене. Они переглядывались, перебрасывались испуганными репликами.

Бри, знакомый подавальщик, мелькнул за спиной господина. Несмотря на грузную фигуру, тот мгновенно развернулся, схватил его за шиворот и приставил к горлу нож.

— Где мой медальон! — завопил толстяк.

— Я его не брал, — перепугался Бри.

Он побелел как молоко, покрылся потом от страха.

— А почему бежал?

— Я ж тут на побегушках, вам вино нес, — пролепетал едва слышно юноша.

Он показал на перевернутый кувшинчик, из которого тек тонкой струйкой ароматный эль.

«Вот это попала!» — мелькнула у меня мысль. — Пора

ноги отсюда делать.

Я сместилась в сторону кухни, стараясь двигаться медленно и плавно, чтобы не привлекать внимания, а потом бросилась к дверям. Но, увы, опоздала. Охранники толстяка перекрыли все выходы из таверны.

Тогда я метнулась к Одноглазой.

— Госпожа Лутеция, мне надо бежать, меня тетка убьет!

— Стой здесь, Лили, видишь, что творится! Пока не найдут пропажу, никого не выпустят из таверны. Но кто посмел?

Она огляделась и бросилась к работникам. Я побежала следом — сзади есть вторая дверь, — но ко мне кинулись охранники свата с пиками наперевес.

— Пустите! — заверещала я. — Я тороплюсь!

— Показывай корзинку!

— Вот еще!

Но корзину выхватили из рук, вывалили на пол все содержимое. Я смотрела на рассыпавшиеся пакетики и медленно закипала от злости.

— Слепые, что ли? Медальон тяжелый, а у меня только травки.

— А это что?

Страж вытащил комок влажных дрожжей, завернутый в тряпку, быстро раскрыл ее, и дрожжи вывалились в пыль.

— Да что б вас!

Я кинулась к брикету, но страж опередил меня и наступил на него сапогом, еще и каблуком размял. Дрожжи распались

на комочки, и это стало последней каплей. Я нагнула голову и пошла на таран.

Врезалась со всей дури в живот охранника, он только хрюкнул и согнулся пополам.

— Получил! — завопила я.

— Так им! — закричал подавальщик Бри. — Врежь им, Лили!

Но торжествовала я рано. Второй охранник схватил меня за косу и поволок к господину.

— Ваше благородие, эта нищенка...

Он дернул меня за волосы, заставил поднять голову. Я содрогнулась, встретившись взглядом с красными глазами бешеного быка — так сейчас выглядел господин. Его лицо побагровело, кожа залоснилась, казалось, еще миг и его хватит кондрашка.

— Это она украла?

— Не знаю, но ведет себя подозрительно.

— Обыщите!

Стражи накинулись на меня, как коршуны: ощупывали, дергали за одежду, один даже попытался задрать тунику. Я сопротивлялась, как могла, наконец не выдержала и закричала:

— Стойте! Я найду вам вора!

— Да-да, — поддержали меня работники таверны. — Лили может.

— Отпустите девчонку, — приказал сват.

Он огляделся, помощник тут же поднял стул и подставил его под внушительный зад господина. Тот сел. Все замерли в ожидании.

— Этот растоптал мои дрожжи! — заупрямилась я. — Не хочу вам помогать!

— Хозяйка! — завопил господин.

Одноглазая Лутеция тут же притащила новую плошку с дрожжами, поставила ее в корзинку и посмотрела на меня умоляюще. Я ее понимала: скандал на весь день испортит продажи, если вообще стражники не закроют таверну.

— Дайте мне несколько минут.

Я закрыла глаза, вспоминая мелкие детали, отложившиеся в мозгу, и представляя, кто мог выкрасть медальон, который сват охранял так ревностно.

«Думай, думай!» — приказала себе.

Так, когда Глория тянула свата танцевать, медальон еще был на месте, господин нащупывал его на ремне. Значит, он пропал в последние десять минут, когда я забирала дрожжи.

Что же было в это время?

Перед глазами понеслись картинки.

Пробежал подавальщик с блюдом рыбы, другой принес похлебку и поставил на соседний стол. Господин не вставал с места, все работники таверны крутились вокруг него.

А потом...

Меня отвлекла Лутеция, которая принесла дрожжи. Именно в этот момент...

— Ну, что? — подгонял меня господин.

Я протянула ладонь:

— Покажите мне ваш ремень.

Сват тут же снял пояс и подал мне. Я разглядывала основание места, к которому крепился медальон. Это был круглая металлическая оловянный кружок с выемками, в которые вставлялись выступы медальона.

В целом, устройство походило на крепко защелкивающуюся секретную коробочку из двух частей. Внешне она выглядела как грубое украшение, но в то же время внутри можно было спрятать что угодно.

А вот что хранилось там, я не знала.

Просто так вытащить медальон было невозможно, но по краям виднелись едва заметные царапины. Я быстро огляделась. Со своего стола господин все сбросил на пол.

А соседние?

Рядом находился накрытый стол. На нем — дымящаяся похлебка.

Нетронутая.

Я бросилась туда, все столпились за спиной. Потянула носом — мясо и грибы, оловянная ложка чистая, следов повреждения нет.

— Кто сидел за этим столом? — закричал сват.

— Приезжий господин, — испугалась не на шутку Одноглазая. Еще бы! Ее бизнес разваливался на глазах. — Но он расплатился и ушел еще до кражи.

До кражи? Скорее всего, до обнаружения кражи.

— Это он! Ищите! Держите вора!

Два стражника вылетели из таверны.

— Нет, это не он, — покачала я головой.

— А кто же?

Я подняла руку с намеком: не мешай! В таверну ворвались убежавшие за вором охранники, они притащили гостя, невысокого молодого человека. Он держался с достоинством, не показывал ни грамма страха.

Я мгновенно окинула его взглядом: аккуратный, чистенький, но жирное пятно на рукаве. Непорядок!

— Это не он. Но он помогал.

— Что ты мелешь? — возмутился гость, впервые дрогнув красивым лицом.

— Обыщите его! — заверещал господин.

— Погодите, — я посмотрела на свата. — Когда вы сидели, ваш большой живот закрывал ремень. Чтобы увидеть медальон, вас нужно было поднять...

— И-и-и?

— Это сделали танцовщицы.

— Чт-о-о-о? Взять их!

Стражники схватили девушек и притащили их в центр зала. Бесцеремонно они осмотрели их, но медальона не нашли.

— Ты издеваешься?

Господин мгновенно вскочил, будто подброшенный мячик, и приставил к моему горлу меч. Резкая боль резанула

по коже, и сразу стало влажно.

— Стойте! Стойте! — я выставила перед собой руки. — Это еще не все! Дайте договорить!

Все замерли, только стражи связывали руки девушкам. А танцовщицы сверлили меня ненавистными взглядами. Я отвечала им тем же. В этом мире каждый сам за себя.

Если я спасу девчонок, сама не выберусь из таверны еще и в тюрьму попаду для разбирательства. Сват самого короля — не поросячий хвостик, за который можно дергать безнаказанно. Виноватый — невиновный — все окажемся в пролете.

— Говори!

— Одна танцовщица взяла вас за руку, вы встали. Тогда вторая подцепила медальон крепкой нитью. Вы резко сели, крышка медальона вылетела, он и оказался в ладони девушки. Ловкое движение рук, вот и все.

— Но мы ее обыскали, — растерялись стражи. — Ничего нет!

— Естественно, — я повернулась к гостю. — Содействовать танцовщице лучше всего с вашего места. Девушка перебросила медальон вам. Он же был на нити.

— Какая чушь! — хмыкнул красавчик. — И вы верите этой девчонке? Да она дурит вас!

— Когда кражу обнаружили, таверну оцепили. А он, — я выбросила руку в сторону подавальщика Бри, отрезая себе дорогу в возможным отношениям, — побежал.

— Я работал!

— Да. А попутно отвлек внимание от него, — теперь мой палец упирался в гостя. — Нужно было спрятать медальон. И он это сделал.

— Чт-о-о-о? Да она спятила!

Ничего красивого в перекошенном лице гостя уже не было. Глаза пылали яростью и желанием убивать. Но я уже не могла остановиться. Наказание от тетки пугало сильнее, чем господин со стражниками.

Я бросилась к красавчику, схватила его за рукав и принялась. Сильный рыбный запах шел от одежды. Но он заказал мясную похлебку.

Тогда...

Я кинулась в кухню. Ложкой и ножом осмотрела тарелку с жареной рыбой, поковырялась в сковородке, но ничего не нашла. Зато на плите стоял дымящийся котел, а там... Я прошлась по дну ложкой и вытащила круглую блестящую крышку.

— А-а-а! — завопил господин. — Мой медальон.

Толстяк схватил его голыми руками и готов был заплясать от радости.

— Я свободна?

Господин обернулся.

— Д-да. Но как ты догадалась?

— Все просто, его рукав — я дернула гостя за одежду, — пах рыбой. Осталось только проверить всю рыбу в таверне.

Все вдруг захлопали.

— Чудесно!

— Поразительно!

Крики неслись со всех сторон, а я поглядывала на дверь.

— Держи!

Господин протянул мне золотую монету в пятьдесят рен. Это были огромные деньги, поэтому я не капризничала. Быстренько схватила их, сунула в лиф и вылетела за дверь.

И сразу столкнулась с двумя незнакомцами. Кажется, и их любопытство одолело. Вместо того чтобы наблюдать за представлением из окна второго этажа дома напротив, они пришли к таверне.

Высокий схватил меня за шиворот. Я едва доходила ему до плеча и чувствовала себя козявкой в руках гориллы.

— Господин, отпустите! Я опаздываю, — заверещала я тоненьким голоском обиженной кошечки. — Меня ждут дома.

— Ждут, говоришь? И где твой дом?

Но он пальцами взялся за мой подбородок и заставил посмотреть вверх. Я столкнулась с пронзительным взглядом черных глаз, настолько колючим, будто я лично чем-то оскорбила Его Совершенство.

Компаньон злоюки тоже смотрел волком. Я не понимала, где перешла дорогу этим двоим, но на всякий случай пригостила колено. Быстрое нападение выручает в трудной ситуации всегда. А о последствиях думать некогда.

— Лили, что случилось?

Из таверны вышла госпожа Лутеция. Мой подбородок тут же оставили в покое. Так, кажется эти господа не хотят привлекать внимание. Что ж! Мне это только на руку.

Я потерла подбородок и приободрилась.

— Все в порядке, уже бегу! Тетушка заждалась.

— Ну, тогда ладно.

Одноглазая скрылась внутри таверны, а мой воротник опять скрутил чужой кулак

— Это не ты потеряла?

Худощавый приятель громилы поднес к моим глазам платок.

— Н-нет.

— А мне кажется, что ты.

Волшебный голос высокого господина раскатился переливами в воздухе, но я стиснула зубы и огляделась: надо как-то спастись.

— Когда кажется, креститься надо, — вырвалось у меня.

— Что?

На это слово присказка тоже вертелась на языке, но я решила придержать ее до лучших времен. Просто крутанулась, выдернула воротник из цепких пальцев, двинула локтем в солнечное сплетение господина и бросилась бежать.

А по пути прихватила еще и платок. Конечно, выяснить, где живу, не составит большого труда, но в тот момент я думала только о том, как бы поскорее унести ноги.

— Стой, мерзавка! Стой!

Сзади неслись дикие крики, но меня уже было не остановить. Я свернула в первую же щель и помчалась задворками по одной мне известной дороге.

От преследователей оторвалась легко, ни корзинку, ни платок не потеряла. У ворот родного дома перевела дух, повязалась до бровей и уже спокойно вошла во двор.

И сразу дикий вопль резанул по ушам.

— Где эта гадина Лили? Ее только за смертью посылать!

Голос у тетушки был звонкий, а громкость в децибелах зашкаливала. Весь дом прятался, когда слышал визгливые ноты.

— Ага, конечно! Смерть за вами скорее придет, чем за мной.

Я пробралась вдоль ограды к задней части поместья, где располагались подсобные помещения, и сразу нырнула в кухню.

— Ох, Лили! — всплеснула руками тетушка Грета. — Мы зашиваемся!

— Опять эти ваши словечки, — подколола я ее.

— С кем поведешься...

Тетушка схватила корзинку, передала ее помощникам.

— Пить хочу, просто умираю, — я плюхнулась на скамью.

Бежать и утешать кузину Гортензию не было никакого желания. А становиться грушей для битья у тетки, тем более.

— Тебя все потеряли. Только ты убежала, как госпожа стала тебя разыскивать.

— А чой-та? — намеренно по-деревенски спросила я. — Кому нужна нищая племяшка?

— Тьма ее знает! Но ты лучше того... не гневи хозяйку. Вот-вот сваты придут.

— Ой, что я сейчас пережила...

Но договорить не успела: цепкие пальцы баронессы Олдем схватили меня за ухо и вывернули его так, что слезы брызнули из глаз.

Глава 5

Я присела, ослабив боль и хватку тетки, хотя слезы все равно брызнули из глаз.

— Ой-ой-ой! Пустите! — попыталась вывернуться, но стало только хуже: бедное ухо горело огнем. — Простите, тетушка, в таверне такое творилось, такое!

— Ничего не хочу знать! — рявкнула она, ухо отпустила, но схватила меня за локоть.

Я закрыла ладонью горячую лепешку, которая минуту назад была ухом, и всхлипнула, тетка потащила в дом.

— Но что случилось? Я все поручения выполнила.

Я бежала за ней следом, едва поспевая, и недоумевала. Обычно баронесса Олдем с плохо скрываемым любопытством слушала новости, которые я приносила из порта, таверны или с рынка.

Сама она редко бывала в подобных местах, негоже светской даме крутиться среди простого люда. Да и дочек не выпускала из усадьбы: а вдруг ее красавиц украдут!

Или испортят...

— Вот-вот придут сваты, уже прискакал от них гонец. Надо подготовить невесту.

— Погодите, — я вырвала рукав. — Гортензия меня даже не подпустит к себе.

Но тетушка не останавливалась. Казалось, она даже не

слышала моих слов. Мы поднялись на крыльцо и побежали по террасе, опоясывающей господский дом.

Нам навстречу выскочили служанки.

— Вита, Санми, приведите ее в порядок.

— Я и сама могу, — буркнула я.

— Барышня, пройдемте в купальню, — Вита показала на боковой вход.

Это было что-то новенькое, но отказываться от бесплатной ванны я не собиралась.

В купальне уже стояла лохань, наполненная дымящейся водой.

— Ничего себе! — я заглянула внутрь. — Это только для меня?

— Прошу вас, барышня.

Я не стала капризничать, быстро скинула одежду и забралась в лохань. Такого блаженства я давно не испытывала. От восторга даже закрыла глаза и вдруг почувствовала, как чужие пальцы расплетают мои волосы.

— Эй, в чем дело? — сразу встрепенулась я.

— Госпожа баронесса приказала вымыть вам голову.

— В смысле? Тебе приказала?

Мое удивление все росло.

— Да.

— Ну, ладно, мой.

Я откинулась на край лохани, закрыла глаза, расслабилась, зато мозги заработали усиленно. Что-то для одного дня

многовато приключений. Сердце ёкнуло.

Но Санми так старательно намыливала ароматным мылом волосы, так хорошо массировала кожу, что я отбросила сомнения прочь.

Тетушка наверняка не желает ударить в грязь лицом перед столичными гостями. Вот и хочет показать и дочерей, и меня во всей красе.

Я полностью отдалась в умелые руки служанок. Они вымыли меня до скрипа, закутали как в кокон в простыни и полотенца и посадили сушить волосы к жаровне.

— Так будет быстрее, — ответила Вита на мой недоуменный взгляд.

Но этого девушкам показалось мало. Санми расчесывала волосы, в то время как Вита полотенцем гнала на них теплый воздух.

В купальню зашла еще одна девушка, я видела ее в помощницах кухарки Греты. Она принесла поднос с угощением.

— Барышня, выпейте чаю.

— Ух ты! Как много мне сегодня внимания! — усмехнулась я, но приняла из рук чашку и блюдо с печеньем. — Тетушка — сама доброта.

— Госпожа баронесса заботится о вас, — поклонилась юная повариха и вышла.

— Девушки, — все же не выдержала я, любопытство так и сжигало меня изнутри. — А что происходит?

— Гости же.

— Не в первый раз у нас гости, тетушка не слишком парилась о моей персоне.

— Барышня Лили, пойдёмте одеваться, — ушла от ответа Вита.

Она старалась не встречаться со мной взглядом, отчего мне становилось все тревожнее. В груди рос напряженный комок, а паника в голове вопила: «Что-то не так!»

Мысли о побеге выплыли на поверхность. Может, рвануть сейчас? Самое время, пока все заняты гостями.

Но, я окинула себя взглядом, далеко без одежды не убежишь. На мне был только тетушкин банный халат, который при каждом шаге распахивался до пояса, отчего приходилось одной рукой держаться за полы, а второй за ворот.

Я представила, как несусь по дороге, поднимая полами пыль, а все на меня показывают пальцем, и откинула идею о побеге до более удачного времени.

Если честно, показываться на глаза королевскому свату не было никакого желания. Он наверняка меня узнает сразу.

Но горничные ждали меня, и, не сопротивляясь, я пошла за ними.

И все равно все вокруг казалось странным. Слуги, встречавшиеся нам на пути, тут же исчезали, лишь заведя нас издалека. Дом будто вымер, хотя утром он кишел людьми.

— Эй, вы куда?

Вместо того чтобы идти к моей лестнице на чердак, де-

вушки свернули к покоям тетушки. Пришлось бежать за ними. Баронесса находилась в комнате, суежилась, рассматривала развешанные на распорках наряды. Здесь же крутились швейи.

В кресле у окна сидела заплаканная Гортензия, простоволосая и не готовая к приему. Ее запястья были перевязаны.

Почему?

За ее спиной стояла Милисса и старательно отводила взгляд. Обе кухни одеты были просто, как служанки.

Я застыла в дверях, попятилась, мне совершенно не нравилось, что здесь происходило, в голове появилась невероятная догадка, но я поверить в нее не могла.

Санми втокнула меня в комнату и закрыла дверь. Щелчок замка показался мне взрывом бомбы.

— Тетя, что происходит? — я повернулась к кухням. — Гортензия, Милисса, хоть вы ответьте.

— Матушка все скажет, — прошипела Гортензия.

— Вот-вот придут сваты. Девушки, поторопитесь! — рывкнула тетка на горничных. — причешите ее.

— Я не хочу, — шагнула я назад.

Резко опустила руки, и халат чуть не свалился с плеч.

— А тебя никто и не спрашивает! — тетка подскочила ко мне и посмотрела так яростно в глаза, что я содрогнулась от этого ледяного взгляда. — Я тебя кормила, растила, пришло время отплатить мне за заботу.

— Но чем?

Я уже почти кричала. А еще чувствовала себя странно: голова кружилась, ясность сознания пропала, движения были плавными, тягучими, ноги легкими, как перышки. Казалось, будто шагну и взлечу.

— Чего встали, копуши! — рывкнула тетка на служанок.

Санми тут же бросилась ко мне.

— Барышня, пожалуйста, нас накажут....

В ее голосе слышалась мольба, но мое сердце не дрогнуло. Эти же девчонки игнорировали мои просьбы и не считали меня за свою госпожу.

— Нет! — с трудом, но я сместилась к окну, схватила со стола за горлышко вазу и замахнулась. — Не подходите!

Меня тут же повело в сторону, я наткнулась спиной на стену, съехала по ней на пол и провалилась в темноту.

Сколько я находилась в беспамятстве, не знаю, но очнулась от пронзительных голосов над головой.

— Сколько ты ей подсыпала? — верещала на кого-то тетушка Фиона.

— Как вы и сказали, — пролепетала Вита. — Половинку ложки.

— Тогда почему она приходит в себя?

— Н-не знаю. Простите госпожа, я заслуживаю смерти!

От грохота падения вздрогнули полы, и я окончательно пришла в себя и открыла глаза.

Надо мной были все те же лица. Тётушка делала вид, что прикладывает к моему носу мешочек с нюхательными соля-

ми, Милисса обмахивала веером, только Гортензия по-прежнему сидела в кресле и сверлила меня ненавистным взглядом.

— Что со мной? — с трудом выдавила из себя я.

Голова по-прежнему кружилась, перед глазами все плыло, страшно раздражали запахи. Но хуже мне было от услышанных слов и подозрений, которые просто раздирали душу.

— Может, солнце голову напекло, — отмахнулась от меня тётка.

Но её бегающие глазки сказали мне о многом. Подозрение превратилось в уверенность.

— Нет. Я чувствовала себя хорошо, пока кухарка не принесла мне чай в купальню. Что вы подмешали в него?

Я хотела возмутиться, но злости не было, наоборот, действительность воспринималась вяло и равнодушно.

— Не придумывай! Не капризничай, Лили, пора одеваться.

— Но для чего? — задала я вопрос и села.

Прислонилась спиной к стене, глубоко вдохнула. Прохладный камень прогнал жар, в глазах немного прояснилось. Я наконец разглядела, что пол вокруг меня усыпан осколками вазы. И как я не порезалась, когда опиралась на него!

В еще я разглядела лица перепуганных служанок. Вита и Санми стояли рядом с тетушкой Фионой с деталями платья, швеи с опаской выглядывали из-за их спин.

И платье было белое.

Белое, черт возьми!

— Тебе придётся заменить Гортензию, — решительно заявила тётка. — Ей нездоровится, мы не можем показать королевскому свату больную невесту.

— Порезанные запястья вы называете «нездоровится»? Не делайте из меня дуру!

Я встала на колени, потом, держась за столик, на ноги. Огромный теткин халат распахнулся, горничные смущенно отвели взгляды, но мне было наплевать. Щуплые прелести Лили не впечатляли даже меня, хотя я уже и свыклась с ее телом.

— Ты куда? — дернулась ко мне баронесса.

— Хочу посмотреть, что за нездоровье у Гортензии.

Шатаюсь и спотыкаясь на каждом шагу, я побрела в сторону кресла. Кузина вскочила, выставила перед собой руки.

— Матушка, убери ее от меня! Иначе...

Я остановилась: не было смысла преследовать сейчас Гортензию, да и силы уходили с каждым шагом.

— Все понятно, шантаж — дело плевое, особенно для вашей любимой доченьки.

— Что ты мелешь! — побагровела тетушка и приказала: — Девушки, приступайте!

Но я не собиралась сдаваться.

— Королевский гонец прислал приказ для вас и ваших дочерей. Причём тут я?

— Ты тоже из рода Олдемов, нет разницы, какая дочь вый-

дет замуж.

— У вас есть Милисса.

— Спятила! Милисса ещё мала.

— Мне столько же лет, сколько и кузине Милли.

Я устало вздохнула и почти упала на тетушкину кровать. Упала и закрыла глаза: бесполезный спор забрал остатки энергии. Мысли тяжело бродили в голове, то и дело выплывая на поверхность.

С одной стороны, идея уехать из этого дома грела душу. Разом избавлюсь от мерзкой тетки и ее дочерей, повидаю мир. Не к этой ли цели я стремилась? И какая разница, как сбегать: на корабле незнакомцев или в карете королевского свата?

Но с другой стороны, душу бередили страшные слухи о хозяине острова и самой земле. Ни одна невеста не добралась до места и не вернулась обратно. Жених на портрете казался настоящим чудовищем, способным сожрать любого, не задумываясь. Даже с холста его взгляд пронизывал до печенок.

— Вставай, чего разлеглась? — Тетка потянула меня за руку, я вяло отмахнулась. — Помогите!

Горничные бросились ко мне, посадили.

Дверь внезапно распахнулась, в комнату ворвался дворецкий.

— Госпожа! — закричал он. — Сваты прибыли!

— Шевелитесь, лентяи!

Тетка закружилась по комнате, то выхватывая детали платья, то дёргая за руки швей. Она сильно нервничала и свое раздражение выливала на головы и спины окружающих.

Наконец в панике баронесса Олдем выскочила из покоев. «Бежать! Надо бежать!» — прикидывала я свои шансы.

Ну сейчас это было, увы, невозможно. От слабости я едва держалась на ногах, но всё равно попыталась встать, сделать несколько шагов в сторону двери. И сразу споткнулась и чуть не упала.

Милли бросилась на помощь. Она с сочувствием смотрела на меня и чуть не плакала. Все же младшая кузина еще не совсем очерствела сердцем.

— Лили, ты держись, — прошептала она. — Я тебе кое-то дам.

Она сунула мне в ладонь какой-то комочек, завернутый в бумажку.

— Что это?

— Волшебная пилюля. Она придаст тебе сил в трудный момент.

Я уже хотела сунуть комочек в рот, как Милли схватила меня за руку.

— Только не сейчас. Потом, когда выедешь за ворота поместья.

Я встряхнула головой, и меня повело в сторону.

— Совсем плохо. Чем меня опоили?

— Я постаралась уменьшить дозу, — одними губами про-

шептала Милисса. — Очень надеюсь, что у тебя все получится. Я буду молиться за тебя! Да исполнятся все наши желания!

Действительно ли Милисса хотела мне помочь, или говорила так, чтобы утешить, но от ее слов стало легче. Если есть хотя бы один человек на твоей стороне, уже и жизнь кажется не такой дерьмовой.

Глава 6

Я не сопротивлялась, когда меня облачали в свадебный наряд. Просто была не в состоянии. Все происходящее казалось нереальным, будто я находилась в бреду, и меня преследовали видения.

Полностью готовую, меня подвели к зеркалу. Равнодушно я отметила белое платье, такое длинное, что швеям пришлось на ходу подшивать его.

Себя в отражении я не узнала. Высокая прическа, покрашенное для торжества лицо сделали из меня нечто серо-буро-малиновое в крапинку.

— Накройте ей голову! — рявкнула тетка.

Она только что ворвалась в покои с белой кружевной косынкой в руках, напоминавшей фату.

Миг — и мое лицо скрылось за легкой тканью.

«Все же боится, зараза, что сват узнает про обман. Невыполнение указа короля чревато последствиями, — усмехнулась про себя я. — А если господину помочь?»

Эта мысль неожиданно придала мне сил. Я уже глядела в будущее с надеждой.

— Матушка, я хочу посмотреть на обряд, — выскочила вперед любопытная Милли.

Гортензия тоже встала. Она успокоилась. Ее крупное лицо

расслабилось, на щеках появился румянец. Еще бы, беда от нее перекинулась на меня, можно и расслабиться.

— Сидите здесь и не высовывайтесь! — рывкнула на дочерей тетка так громко, что стаканы на подносе задрожали.

— Но матушка...

Тогда баронесса подлетела в младшей дочери, размахнулась и вlepила ей пощечину. Служанки вскрикнули, я лишь вздрогнула от громкого звука, но совершенно не испугалась.

— Ты не понимаешь, идиотка, что я всем рискую, выстав-
ляя вместо Гортензии Лили? — прошипела тетка прямо в
лицо Милли.

Та, перепуганная до смерти: мать никогда не поднимала
на нее руку, разревелась. Гортензия тоже сжалась и верну-
лась в кресло.

— Так неставляйте, — нашла в себе силы возразить я.
— Теперь всю жизнь кухню прятать будете?

Видимо, я наступила на большую мозоль. Тетка покрылась
красными пятнами. Казалось, еще миг, и ее хватит удар. Она
замахнулась на меня, но ее ладонь замерла в воздухе: испу-
галась вопросов свата. Что за королевская невеста с разби-
тым лицом.

— А ты лучше рот закрой! — лишь прошипела тетка.

Я смотрела на пухлое лицо, больше похожее сейчас на
гримасу паяца, и не понимала, как попала в сети, расставлен-
ные коварной, но не слишком умной баронессой. Помогаю
всем горожанам, нахожу потерянные вещи, причем замечаю

детали на автомате, даже не слишком стараясь.

А тут пролетела!

«Ты не ждала опасности, — подсказал ответ внутренний голос. — Не думала о таком повороте».

Это была чистая правда. Казалось, замужество Гортензии неминуемо. Это королевский указ, против которого скромная провинциальная баронесса из обедневшего рода Олдем ни за что не пойдет.

Увы!

Меня подхватили под локти и повели вниз. Идти было невероятно трудно. Я не чувствовала ног, они казались ватными, колени подгибались на каждом шагу, и я повисала всем телом на руках слуг.

— Стойте, стойте!

Я изо всех сил уперлась пятками в пол, внезапно вспомнив про золотой рен, который спрятала в купальне.

— Что еще?

— Мне надо... в туалет.

— Обойдешься!

Тетка злобно прищурилась. Я сделала круглые глаза. Наверняка выглядела в этот момент как идиотка, но плевать!

— Вы хотите, чтобы я описалась прямо во время церемонии? При королевском свате?

— Уведите ее! Отрезать бы этот поганый язык!

Тетка кипела от ярости. Но мне почему-то казалось, что больше она тряслась от страха. Ей хотелось поскорее сбыть

меня с рук и перекреститься.

В купальню меня почти внесли на руках.

— Выйдите все! — приказала я властно.

Умею, когда хочу, командовать так, что все повинуются.

— Но барышня, вы слабы. А вдруг...

— Разве вы не этого добивались? — меня уже несло по бездорожью. — Выдать меня замуж без сознания, погрузить, как мешок с углем, на корабль и помахать платочком вслед, утирая фальшивую слезу?

— Простите.

Служанки попятились и оставили меня одну. Я, держась за стену, доковыляла до лохани, куда засунула золотой. Он был на месте. Никто не заметил его, спрятанного за металлическим обручем.

С трудом, но я вытащила его и запихала в лиф. Мне он пригодится, когда проглочу пилюлю и сбегу.

— Я готова!

Горничные вбежали в купальню, помогли мне добраться до большого зала. Здесь уже все было готово к бракосочетанию. Стоял стол, окруженный стульями, горели церемониальные свечи. На полу лежал ковер, на котором стоял подрамник с портретом хозяина Туманного острова.

Издалека образ на холсте казался живым. Озноб побежал по телу, когда я представила реальную встречу с этим человеком.

Меня подвели к коврику и заставили опуститься на колени

рядом с портретом. В зал вошел уже знакомый по таверне господин, за ним плелась свита. Он неторопливо огляделся, заметил меня, хмыкнул и тяжело опустился в кресло.

— Да исполнятся все ваши желания! — низко поклонилась тетушка, приложив руки к груди.

Я увидела, что они у неё трясутся, и позлорадствовала про себя: «Сейчас ещё не так трясешься!»

— Да исполнятся все ваши желания! — ответил сват. — Что-то невеста маленькая. Мне говорили ваша дочь — крупная девица.

«Вот оно, началось!» — обрадовалась я.

— Злые языки чего только не придумают, — выкрутилась тётка. — Моя Гортензия всегда была маленького роста.

Она говорила дрожащим голосом, её внушительные тела са тряслись.

«Вот стерва! — ахнула про себя я. — Она меня еще и за Гортензию выдает!»

Задуманная теткой афера открылась во всем неприглядном виде. Старшая кузина будет жить под моим именем и даже сможет выйти замуж как племянница баронессы, не теряя дворянского статуса и чести.

Королевский сват ничего не заметил. Казалось, ему вообще всё равно, кого выдавать замуж. На лице были написаны только скука и желание поскорее разобраться с нудным делом.

— Ну-с, приступаем к церемонии, — махнул он писарю

рукой.

Тот подлетел к столу, положил перед сватом лист бумаги, и в этот момент я решительно откинула с лица фату.

Но показать лицо мне не удалось. Тетка каким-то звериным чутье на долю секунды раньше угадала мой порыв и набросила фату обратно мне на голову.

— Ты что творишь? — прошипела она, обдав запахом лука, и схватила мое ухо.

Я даже передернулась от отвращения, тошнота опять подступила к горлу.

— Руку убери, — прорычала в ответ я. — Иначе... как закричу!

— Неблагодарная стерва! Я тебя приютила.

— А ты подлая предательница. Боги тебя накажут!

— Чт-о-о-о...

Наш свистящий диалог наконец услышал сват.

— Что там у вас? — недовольно спросил он и уставился на меня неподвижным взглядом.

— Ваше Сиятельство, — пошла я ва-банк. — Мне душно, я хочу откинуть фату.

— Невеста не должна показывать лицо во время церемонии. Только жених имеет право его видеть.

— Что, съела? — торжествовала тетка.

Она выпрямилась и застыла рядом.

— Что за древние законы? — проворчала я, приподняла голову и сквозь кружевное полотно посмотрела на господи-

на.

Он белоснежным платочком сдувал пылинки со стола и кривился, а на лице было написано презрение и раздражение.

И иллюзии моментально слетели. Этот человек приехал в наш городишко с определенной задачей, и он ее выполнит, несмотря ни на что.

— Молчи уже! — дернула за плечо тетка.

Но я не могла молчать. Хотя чувствовала себя отвратительно, не понимала, каким мощным средством меня опоили, что я слышу, говорю, а не могу действовать. Но и сдаваться безропотно не собиралась.

— Господин, — выдавила я из себя, — Я не Гортензия. Меня зовут Лили.

Однако остатки моих физических сил ушли на препирательство с теткой, и голос прозвучал так слабо, что никто на мой призыв не отреагировал. Я равнодушно пожала плечами: не сейчас, так потом. Все равно не буду женой чудовища, сбегу по дороге.

Пилуля в бумажке грела душу и давала надежду.

Сват лениво развернул свиток и щелкнул пальцами. Писарь мгновенно оживился, бросился ко мне, осмотрел изда-лека.

— Здорова ли девица? — поинтересовался господин и протяжно зевнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.